

Наталья ПЕРШИНА

г. Петрозаводск

Они просидели в кустах почти целый день, наблюдая за стоящим на поляне домом. С низкого неба сеялся мелкий противный дождь, и жизнь в усадьбе замерла. Только несколько раз выходил, накинув на голову рогожу, лесник, крепкий старик, заметно прихрамывавший на правую ногу. Потом, ближе к вечеру, он запряг гладкого рыжего мерина и уехал. Когда стало смеркаться, слабо засветилось окно — значит, дома кто-то остался. Осведомитель сообщил, что именно сегодня Клюкас собирался навестить лесную усадьбу — старый Масюлис приходился ему каким-то родственником и снабжал продовольствием. Кроме того, внучка Масюлиса, по слухам, была беременна именно от главаря «лесных братьев», и Клюкас с нетерпением ждал появления на свет своего наследника. Осведомитель, правда, не знал, дома ли эта беременная внучка, — говорили, что она хотела ехать в деревню рожать. Если так, то свет в доме мог зажечь только Клюкас — старик был очень подозрителен и чужого в доме не оставил бы. Тогда выходило, что лесник скоро должен был

вернуться, наверное, родич отправил его в деревню с каким-то поручением. Ждать больше не имело смысла — надо было брать Клюкаса.

Уральцев обошел дом сзади, чтобы никто не смог выскочить в заднее окно. Мурзин подошел кустами поближе и, пригибаясь, стараясь, чтобы его не видно было из окон, встал под дверью и осторожно потянул на себя за кованую массивную ручку. Заперто изнутри! Он дернул сильнее, слегка потряс — заложено чем-то, а дверь могучая, из крепких досок, не выбить.

Тут куличком посвистел Уральцев, и Мурзин осторожно обогнул дом, выйдя на зады. Уральцев молча показал на небольшое окошко под крышей. Один ставень был чуть приоткрыт, а вдоль стены лежала довольно длинная лестница. Это было очень удачно — можно попробовать именно таким путем проникнуть в дом и наконец-то выловить этого гада Клюкаса, которого они выслеживали не одну неделю.

Лестницу приставили к окну бесшумно, и в дом удалось проникнуть без хлопот. А вот когда стали осторожно спускаться вниз, Уральцев задел стоящее на ступеньке ведро, и оно со

страшным грохотом покатилося вниз. Сразу почти снизу бухнул выстрел, за ним другой. Стреляли, как определили особицы, из охотничьего ружья.

Мурзин и Уральцев сыпанули вниз в два автомата. В ответ, противно провизжав, захлопнулась неразличимая в полумраке дверь. Осторожно, стараясь не скрипеть разохшимися ступеньками, спустились вниз. Прислушались под дверью. Тишина. Потом какое-то мяуканье и быстрые шаги. Не сговариваясь, выпустили в дверь по длинной очереди. Пули прошивали тонкие доски, отрывая острые щепки.

— Бери ниже, чтобы по ногам, чтобы живым! — возбужденно зашептал Мурзин.

И они снова ударили в дверь из автоматов.

Несколько минут прислушивались — из-за двери не доносилось ни звука. Тогда, коротко взглянув друг на друга, резко распахнули дверь и еще раз веером рассыпали по комнатке автоматные очереди. В ответ — ничего, только опять обоим послышалось странное слабое мяуканье. Едко пахло керосином — одна из пуль продырявила жестяную лампу. Пожара не случилось, видно, потому, что лампу потушили, когда особицы обнаружили себя то ли грохотом упавшего ведра, то ли еще раньше.

В сгущающейся темноте увидели темную массу обмякшего человеческого тела, навалившегося на подвешенную к потолочной балке колыбель, из которой и раздавался слабый скулеж человеческого детеныша.

Уральцев подошел к колыбели, присмотрелся и негромко ругнулся:

— Это не Клюкас! Мы бабу ненароком ухлопали...

При свете трофейного карманного фонарика они смотрели на совсем юное лицо убитой женщины, а в колыбели захлебывался плачем ребенок, которого мать, спасая от тех, кого считала врагами, прикрыла от пуль собственным телом.

— Надо уходить! — зашептал Мурзин. — Нашумели на весь лес — Клюкас наверняка услышал, и теперь его ищи-свищи.

— А с этими что делать?

— А что тут делать? Старик вернется — разберется. А нам надо ноги уносить. Не ровен час лесные брательники заявятся посмотреть, кто

тут в их владениях расшумелся. Клюкас один теперь не сунется — всю свору притащит. А нам при таком раскладе не игра.

И они, осторожно сняв крюк, запиравший входную дверь, взгляделись в уже ставший совсем густым сумрак. Все было тихо, даже ветер не перебирал листья. Дождь перестал, и из-под бугра, где была речушка, напознал клочковатый туман.

Они шли краем поляны, привычно ловя чутким ухом лесные звуки. Вдруг Уральцев остановился:

— Слушай, не могу так... Надо мальчика с собой забрать — кто знает, когда старик вернется, а ему от силы день-два всего.

— На кой тебе сдался этот бандитский выродок — самим надо ноги уносить. Не ровен час на его папаню наткнемся — он тебе предельно доходчиво объяснит, как надо деток любить, — Мурзин вглядывался в сгустившийся сумрак, не замедляя шагов.

Но Уральцев уже почти бежал краем поляны назад к темневшему черной массой дому. В темной комнате он быстро вынул из колыбели слабо скулящего младенца, завернул во что-то, подвернувшееся под руку, и выбежал из дома. Его обдало холодом, когда в темноте он запнулся о лежащее на полу тело убитой ими женщины. Уральцев прошел всю войну, целый год гонялся за бандами здесь, в Литве: и он убивал, и его убивали. Но тут произошло иное, немислимое, на грани кошмара.

Уральцев, стараясь ступать бесшумно, почти бежал в черной мгле под деревьями к тому месту, где остался Мурзин.

Вдруг впереди что-то вроде ворохнулось, и Уральцев, замерев на месте, услышал страшное и хорошо знакомое бульканье, сменившееся затихающим хрипом — кому-то перерезали горло. Он похолодел, потому что, мгновенно просчитав все, понял: они таки всполошили бандюгу, и тот примчался спасать свое гнездо, налетел в кромешной тьме на Мурзина, или тот чем-то выдал свое присутствие, и убил его. Вдруг снова запищал все это время молчавший младенец, и Уральцев, уже не скрываясь, бросился бежать. Ему казалось, что сучки под его ногами не трещат, а взрываются, и он бежит по минному полю. Потом затрещали ав-

томаты, Уральцев успел понять, что стреляют двое. Его ударило в спину, он куда-то скатился и потерял сознание.

Очнулся Уральцев, когда солнце стояло уже довольно высоко. Ребенок слабо плакал, шевелясь в мокрой тряпке. Хоть этот-то жив, бедолага. Уральцев попробовал встать, но первое же движение отозвалось страшным болевым ударом в спину, и снова навалилосьnesia.

Когда он снова открыл глаза, над ним был потолок. Вяло удивившись, повернул осторожно голову вправо. Окно. За ним деревья и какие-то крыши. Перекатив голову по подушке, скосил глаза в другую сторону и увидел пожилую женщину. На руках у старухи в аккуратном коконе спал ребенок.

Увидев, что Уральцев открыл глаза, старуха бережно положила младенца на лавку и подошла.

— Только из-за него тебя взяла, — она ткнула узловатым пальцем в сторону лежащего на лавке тряпичного свертка. — Пусть он хоть сиротой не останется, а так оставила бы тебя валяться там, где валялся. Считай, спас он тебя сегодня. Бронюс-активист уже понесся к вашим о тебе сообщать, выслуживается, паскуда. Так что скоро заберут тебя. Бога молю, чтобы люди не подумали, что вместе с Бронюсом вам прислуживаю.

— Где вы меня нашли? — спросил Уральцев и удивился тому, как незнакомо прозвучал его голос.

Старуха, не отвечая на его вопрос, продолжала:

— Мать его, ты в бреду говорил, убили. С кем связалась, паскуда! Своего не нашла!

Бабка помолчала, сплонула и уже спокойно сказала:

— Утром погнала корову и нашла тебя на тропе около дома.

Отошла и снова взяла на руки младенца, демонстративно повернувшись спиной к Уральцеву. Он же почти физическим усилием воли сконцентрировал сознание и стал размышлять.

Бог ведь когда еще приедут за ним, а Клюкас ходит где-то совсем рядом. Дед Масюлис тоже вот-вот вернется домой и поднимет переполох. Бабка же только что сама его не пристрелит, а уж прятать от бандюганов точно не

станет. Оружия рядом нет. Припрятала старая куда-нибудь, просить вернуть автомат совершенно бесполезно. В лучшем случае отдаст, когда приедут за ним. А тут уж как повезет — кто скорее успеет: «лесные братья» или свои товарищи по оружию.

Раньше успели свои. Когда переносили Уральцева в машину, он снова потерял сознание, но, как потом ему рассказывали товарищи, в бреду все время просил, чтобы ребенка взяли с собой. Очнувшись, он узнал, что младенца отдали в местный детский дом под его фамилией.

Когда Уральцев спустя почти два месяца пришел в приют, суровая заведующая спросила, как все-таки зовут его дочь. Вспоминая в госпитале о ребенке Клюкаса, Уральцев почему-то не стал никому говорить, что это ребенок неуловимого «лесного брата», тем более что друзья, регулярно навещавшие его, принесли известие, что банда Клюкаса разгромлена, а сам травленный лесной волчара ушел куда-то, сгинув бесследно.

В мыслях Уральцева о малыше все время фигурировал «он», даже имя придумано было: Саша, Александр (так проще было думать). И вдруг девчонка! Да еще и дочь называют! Хотя тут же сообразил: фамилию-то дали его, Уральцева она, дочка Бог ведь куда сбежавшего Клюкаса. Ну что же, он, Уральцев, ее осиротил, не имеет теперь права бросить одну в страшном море житейском.

— Александра она, Александра Владимировна Уральцева.

Новый вопрос заведующей снова страшно озадачил его:

— В метрику надо вписать имя матери. Что написать?

Имени убитой женщины он не знал. Да что же там писать, в этой чертовой метрике?

И вдруг как в омут бросился:

— Уральцева Ирина Васильевна.

Ирке еще носить и носить, а он ее уже мамой сделал. Как ей-то всю эту свистопляску объяснить?

Молоденькая жена Уральцева училась в Ленинграде на медицинском и должна была скоро приехать ненадолго. Вот уж сюрпризец он ей приготовил!

Но Ирина приехала нескоро. Она заболела, потом были преждевременные роды, и ребенок не выжил. Когда Уральцев встретил ее на вокзале в Вильнюсе, жена показала ему худенькой несчастной девочкой, которую необходимо было защитить от всех невзгод и бед. Ночью она плакала, уткнувшись мокрым лицом в грудь Уральцева, и все повторяла:

– Проклятая война, проклятая война!

Ирина сквозь слезы поведала Уральцеву, что родить она больше не сможет. Сказался тот страшный год, который промаялась в Ленинграде, пока полуживую не вывезли ее по ладожскому льду из голодного ада.

Вскоре после этого пришел приказ о демобилизации Уральцева. Ирина к тому времени немного успокоилась, хотя маленьких детей без слез видеть не могла. Надо было собирать вещички и трогаться в родные места. Решили ехать в Петрозаводск. Мать Уральцева писала, что домик их цел, что она умудрилась даже раздобыть козу, так что молочко у них будет свое.

Надо было решать, что делать с Александрой. Уральцев время от времени забегал в детский дом и видел, как подрастает девочка, удивляясь тому, что так привязался к чужому ребенку. Однажды им даже разрешили погулять, и Уральцев возил Сашу в обшарпанной коляске вокруг приюта по заросшему саду. Бросить ее в этом детском доме стало для него совершенно невыносимым. Но вот как рассказать о девочке Ирине?

Тут пришло новое письмо от матери из Петрозаводска. В конце была приписочка:

«Что же не думаете, бессовестные вы люди, о детях? У всех моих товарок внуки бегают, одна я Богом обижена».

Уральцев рассказал Ирине о Саше. Она вначале как будто не поняла всего до конца, посидела молча. Потом обняла Уральцева:

– Пойдем за ней...

Уральцев так и не узнал никогда, поверила ли ему тогда жена. Никогда ни единым словом не обмолвилась Ира о том, как появилась у них Сашенька-Сашура, их единственная обожаемая дочка.

Проблем с оформлением родительских прав, коль скоро в метрику ребенка вписали чету Уральцевых, не было. Никто никогда и не

усомнился в том, что Саша – родная дочь Владимира и Ирины. Даже матери решили ничего не говорить. Знали об этом только сами родители да бывшие сослуживцы Уральцева. Но те со временем потерялись, даже переписка заглохла по прошествии пяти-шести лет. Собственно, не отдавая даже себе в этом отчета, Уральцев умышленно отдалялся от старых товарищей – боялся, что кто-нибудь проговорится о Саше.

Жили Уральцевы не хуже других: Ирина работала врачом в местном туберкулезном санатории. Сам Уральцев какое-то время прослужил домоуправом, потом окончил педагогический институт и стал преподавать в школе географию. Года через два его назначили директором. Саша росла умненькой девочкой, лет в пять как-то незаметно научилась читать, в школу бегала с удовольствием и училась очень легко. Была она в семье тем солнышком, вокруг которого и концентрировалась вся жизнь Уральцевых.

Но вот где-то в начале шестидесятых годов Уральцев вдруг узнал, что через Международный Красный Крест его разыскивает гражданин Австрии некто Юрген Клаус. Для встречи пригласили его в некое серьезное учреждение. Неулыбчивый товарищ ввел Уральцева в служебное помещение (комнатой назвать это место просто не поворачивался язык), представил поднявшемуся навстречу человеку и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Уральцев внимательно посмотрел на австрийца: нет, не встречались, да и никогда не пересекался скромный директор школы-десятилетки в провинциальном Петрозаводске с иностранными гражданами. Австрияк тоже буравил его глазами, прятавшимися под кустистыми бровями. Потом, словно вдруг очнувшись, жестом предложил садиться, сел сам.

– Прошу меня извинить, господин Уральцев, я буду говорить о событиях более чем десятилетней давности. Вы ведь служили в конце сороковых годов в Литве? – он говорил по-русски с сильным акцентом, коверкая слова, но Уральцев его хорошо понимал. Ему стало вдруг жарко, издалека надвинулось что-то страшное. Юрген Клаус, дождавшись утвердительного кивка Уральцева, продолжал:

— Я тоже был в Литве приблизительно в то же время, что и вы. Только по другую сторону баррикады. Случилось так, что я потерял семью — жену и только что родившегося ребенка. Жену мою нашли мертвой, а ребенок, девочка, исчез. Я много лет пытался выяснить его судьбу. Узнал, что старая хозяйка хутора недалеко от дома, где жила моя Марта, подобрала раненого энкаведешника с новорожденным ребенком. Потом за ними приехали солдаты. Старуха имени у русского не спросила, да и не интересовалась никогда больше его судьбой. Я узнал, что вы уехали из Литвы с маленьким ребенком, а один из ваших сослуживцев уверяет, что ребенок этот — приемный. По документам, его родила ваша жена и отцом его являетесь вы. А на самом деле?

Уральцев оттянул пальцем тугой узел галстука. Клюкас! Выполз из небытия... Ну уж нет, не даст он сломать жизнь Ирине, Саше, себе самому!

— И по документам, и по жизни это моя дочь. Возможно, есть некоторые совпадения, но не более того. Вы ошиблись, господин Клаус, это не ваш ребенок.

Клаус внимательно посмотрел в лицо Уральцеву:

— Да, я вижу, что ошибся, определенно ошибся. Прошу извинить. Но я все же прошу вас, может, припомните, не рассказывал ли кто-нибудь, что в ходе операции по ликвидации отряда, которым командовал некий Клюкас, был найден ребенок возле убитой матери?

— Да, что-то такое припоминаю, но, что стало потом с этим младенцем, не знаю. Скорее всего, воспитывается где-то в детском доме. Их, знаете ли, много появилось после войны. Если кто-то не усыновил...

Уральцев никому ничего не рассказал о встрече со страшным пришельцем из прошлого. Ночью, глядя в темный потолок, перебирал он в памяти ставшие уже тусклыми воспоминания о службе в Литве, об убитой им или Мурзиным женщине (теперь он знал, что ее звали Мартой). О том, как в их с Ириной жизни появилась дочь Сашенька, как она росла, как болела. Как они воспитывали ее, и как ей нравилось быть в гуще всех событий. Совсем недавно ей исполнилось четырнадцать, и она

вступила в комсомол, самая первая в классе. Ничего в ней нет от Клюкаса, уверял он себя. А перед мысленным взором всплывало лицо Клауса, глаза его, того же необычного медового цвета, что и у Сашеньки. Нет у Клюкаса никаких доказательств, нет! Даже в самом первом документе ребенка родителями записаны он и Ирина. Никаких следов усыновления. Только вот сослуживцы! Ну, да кое-кого уж нет в живых, кто-то и призабыл эту историю. Старуха, что тогда нашла его полумертвым, скорее всего, умерла. Нет, беспокоиться не о чем. Но все же тревога так никогда уже и не покинула его. Тень Клюкаса незримо поселилась рядом. С годами она стала совсем прозрачной и посещала Уральцева все реже, но так и не сгинула совсем.

Жизнь шла. Саша поступила на медфак университета, стала врачом, как мать. Потом вышла замуж, родила двойняшек — Мишу и Машу. Ребятки благополучно выросли, прилично окончили школу и выбрали себе модные профессии: Миша увлекся информационными технологиями, а Маша занялась экономикой. После перестройки они оба как-то ловко устроились в жизни, нашли себе дающее неплохой доход занятие. Сашин же муж (уже второй по счету) обеспечивал им юридическое, как он говорил, сопровождение. После смерти матери Сашура все настаивала, чтобы отец поселился с ними, но Уральцев был категорически против и заявил, что, пока в здравом уме и в состоянии себя обслужить, будет жить отдельно. Он был еще достаточно бодр, а чтобы занять время, с помощью внуков освоил компьютер, в котором его привлекали две вещи: возможность печатать и Интернет.

Советского Союза уже не было, Литва стала отдельным государством, и прошлое как бы перестало существовать вообще, вместе с ним умерли и страхи. Но вот однажды пришло письмо из Неменчине, маленького городка, расположенного возле Вильнюса. Внешне оно было самым обычным — голубоватый конверт из плотной бумаги, адрес подписан незнакомым почерком. Внутри — набранный на компьютере текст.

У Уральцева защемило сердце, надвинулась

тягостная тревога. Нашарил на столе баночку с таблетками. Сунул одну под язык. Стал читать.

«Уральцев! Обращаюсь к тебе по имени, потому что не товарищ ты мне и тем более не господин. Смертный враг ты мне. Ты убил мою Марту и украл мою дочь. Тогда, много лет назад, я не смог бы забрать ее — причин было много. Сейчас я тоже не могу назвать ее дочкой — она русская до мозга костей, она не примет как отца того, кто воевал против тебя, ее родителя, как она считает. Настаивая, я могу потерять все. У тебя есть родина, дочь, внуки. Я же растерял всех, кто мне был близок, и в конце жизни остался совсем один. А родину, которую ты у меня отнял, обрел снова лишь недавно. Я не хочу ломать жизнь моей дочери и ее детям, но прошу тебя вот о чем: пришли ко мне в гости моих внуков, дай посмотреть на тех, в ком кровь моя и Марты. Скажи, что получил письмо от старого товарища и он приглашает тебя с семьей к себе. Ни о чем так не мечтаю, как о том, чтобы обнять дочь и внуков. Мы с тобой ровесники, поэтому понимаешь, как мало мне осталось жить. Ты страшно виноват передо мной — сними с себя хоть часть греха. Валдис Клюкас».

Уральцев медленно сложил листок. Сам не ожидая, он почувствовал облегчение. Только сейчас он до конца осознал, как мучило его всю жизнь чувство огромной вины перед бандитом

Клюкасом. Да почему же бандитом? Разве он сам, Уральцев, не стал бы защищать свой дом от врагов? Разве не возненавидел бы тех, кто пришел в его монастырь со своим уставом? Снова, как будто это случилось вчера, увидел Уральцев запрокинутое мертвое лицо Марты, и его опять обдало ледяным холодом. Где гарантия того, что Марту убила не его пуля?

Нельзя простить того, что и по его вине пришлось пережить Клюкасу. И прав, прав литовец в своей ненависти к нему, нельзя такое прощать. А вот договориться о мире можно. Пусть съездят ребятки в Литву — сейчас это просто. Клюкас ничего им говорить не станет — зачем это сейчас, а душу свою согреет. Если уж так довелось — врагам иметь общих внуков, надо развязать этот узел безболезненно. И тут же ревнивая мысль шевельнулась в сердце: «А вдруг сманит к себе Клюкас детей?» Но разум заглушил ревность: «Пусть все идет своим порядком».

□

Наталья Дмитриевна ПЕРШИНА

родилась в г. Сортавала (Республика Карелия).

Окончила филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работала в профтехучилищах, школе.

Публиковалась в журналах «Север», «Carelia».

Живет в г. Петрозаводске.

